

Е.А. КОЛОДИНА

кандидат экономических наук, доцент

ПРОЦЕССЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ СИБИРИ

Дезинтеграционные процессы, захватившие страну в годы перестроечных реформ, по-особому проявились в сибирском макрорегионе, где огромная территория и специфическая структура производства стали дополнительными факторами, повлиявшими на снижение объема и сужение географии межрегиональных экономических связей. В советские времена промышленная структура на востоке страны сознательно создавалась с акцентом на добычу сырья, а это наиболее транспортноемкий вид продукции. Когда железнодорожные тарифы на грузоперевозки стали расти быстрее, чем цены на продукцию, экономика Сибири и Дальнего Востока оказалась отрезанной от российского рынка. Так, затраты на перевозку деловой древесины в 1998 г. составляли 50% в цене сибирских поставщиков. В конце 1990-х гг. при транспортировке кубических и восточносибирских углей в энергодефицитные дальневосточные регионы доля транспортной составляющей превышала 70%, а до среднеудаленных потребителей — 55%.

Высокие транспортные затраты в цене сибирских производителей, по мнению директора ИЭиОПП СО РАН В. Кулешова, вносят свои коррективы в специфику торговли за Уралом. По его расчетам, в Сибири «ближайшее окружение» для формирования межрегиональной торговли составляет всего 150–160 км. В этот радиус попадает разное количество потенциальных потребителей продукции региона. Для Новосибирска это около 2,5 млн чел., для Красноярска — 1,5 млн чел., а для Иркутска — менее 1 млн чел. «Внешний радиус», максимальный для межрегиональной торговли, составляет 300–350 км¹.

Конечно, не только высокие транспортные тарифы стали причиной межрегиональной дезинтеграции Сибири, но и обвальное падение спроса на продукцию топливно-энергетического и сырьевого секторов в европейской части России, тем более что собственный «индустриальный пояс» вдоль Транссиба, ориентированный на выпуск военной продукции,

оказался технологически мало сопряженным с сырьевым комплексом экономики Сибири.

Другим важным моментом, снижающим возможности межрегиональной интеграции в макрорегионе, является неразвитость внутренней транспортной инфраструктуры. В этом можно убедиться, посмотрев, например, на карту Иркутской области: на сегодня половина территории данного субъекта Федерации не имеет даже гравийных дорог. Пунктиром на карте обозначены лишь тропы и караванные пути. В Республике Саха (Якутия) на площадь в 3,1 млн км² приходится всего 17 тыс. км² автодорог, причем десять из них — зимники. Добраться до большинства северных населенных пунктов можно либо по рекам, либо воздушным транспортом. В условиях, когда местные авиаперевозчики разорились или находятся на грани банкротства из-за убыточности внутренних авиалиний, даже пассажирские межрегиональные перевозки становятся малодоступными для населения. Особенно остро эта проблема стоит на севере Дальнего Востока. Бизнесмены из Благовещенска летят в Якутск через Москву, а цена билета от Хабаровска что до Москвы, что до Магадана одинакова.

Получается, что самой тесной связкой территорий Сибири и Дальнего Востока, как и в начале XX в., является Транссибирская железная дорога. К тому же автомобильной дороги, подобной Транссибу, соединяющей Дальний Восток с Сибирью и Европейской Россией, так и не появилось. Хотя решение о строительстве автомагистрали «Амур» по маршруту Чита–Хабаровск было принято еще Совмином СССР в 1966 г., но до сих пор не закончена и половина трассы. Стоимость ее достройки составляет 60 млрд р.

О том, как изменилась география материальных потоков на востоке страны, можно судить по данным о Хабаровском крае. Например, в 1990 г. 75% производимой в регионе продукции шло на национальный рынок, 6% — на экспорт и 19% — на внутрирегиональное потребление. В 2000 г. наблюдалась обратная картина: доля внутрирегионального потребле-

ния составляла уже 75%, на экспорт приходилось 15%, а на общероссийский рынок — лишь 10% регионального продукта². Обращает на себя внимание то, что при многократном снижении в целом доли внутрироссийских связей возрос объем взаимных поставок между регионами Сибири и Дальнего Востока. Их удельный вес в товарообороте края поднялся за десять лет до 77,5%. Всего же в 1999–2000 гг. товарообмен между сибирскими территориями увеличивался ежегодно в 2–3 раза³.

Таким образом, направленность материальных потоков изменилась: связи с европейской частью страны уступили место межрегиональным связям с соседними субъектами Федерации и экспортно-импортным поставкам. Особенно заметна межрегиональная интеграция на продовольственном рынке Сибири: практически в любом продовольственном магазине сибирского макрорегиона можно увидеть муку и сыр с Алтая, колбасные изделия из Новосибирской области, рыбу и морепродукты из регионов Дальнего Востока, молочные продукты из Красноярского края, растительное масло из Иркутской области, мясные консервы из Бурятии.

Сохранилась сложившаяся в советский период промышленная специализация регионов, которая и в настоящее время определяет структуру межрегиональных связей в Сибири. Так, Новосибирская область специализируется на продукции машиностроения (до 70% общего объема вывоза), из Омской области вывозятся продукты нефтехимии (шины, мазут, бензин, дизельное топливо), из Кемеровской области — уголь и металл, Тюменская область поставляет нефть и газ, Иркутская область и Красноярский край — цветные металлы, лес и электроэнергию.

Ярко выраженная специализация объясняет высокую степень дифференциации регионов Сибири и Дальнего Востока по объемам ввоза и вывоза продукции. Можно сказать, что существует и выраженное разделение на регионы с преобладающим ввозом и регионы с преобладающим вывозом. Например, Омская область экспортирует в другие субъекты Федерации в 10 раз больше, чем ввозит с их территорий. Ее основными торговыми партнерами являются Новосибирская, Кемеровская области и Алтайский край. Но при этом из Омска в Кемерово и Новосибирск вывозится в 10 раз больше продукции, чем ввозится, а в Алтайский край — больше в 20

раз⁴. В то же время Новосибирская область имеет отрицательное сальдо межрегионального торгового оборота. По данным администрации области, этот субъект Федерации вывозит в Кузбасс в 4 раза меньше, чем ввозит из него, в Омскую область — в 9–10 раз меньше, в Красноярский край — в 3 раза, в Алтайский край — в 2 раза.

Межрегиональные грузопотоки по ввозу и вывозу представлены в табл. 1. Отрицательное сальдо межрегионального грузооборота характерно для регионов Дальнего Востока.

Таблица 1

**Межрегиональные связи
экономических районов РФ**

Экономический район	Объем вывоза продукции, млн т	Объем ввоза продукции, млн т
Западно-Сибирский	76,6	41,1
Восточно-Сибирский	47,6	17,7
Дальневосточный	2,3	33,3

Источник: Карнаухов С.Б. Формирование макрологистических платформ в экономике России: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2003. С. 17.

Проведению более детального анализа товаропотоков мешает отсутствие данных официальной статистики по региональным показателям ввоза и вывоза в стоимостном выражении. Другая проблема состоит в том, что существующая региональная статистика и региональные рейтинги (например, рейтинги журнала «Эксперт») относят к региональным предприятиям только те, которые зарегистрированы и имеют центральный офис на территории региона. А поскольку крупнейшие предприятия промышленности, на которых держится вся экономика регионов Сибири и Дальнего Востока, являются лишь подразделениями общероссийских холдингов, то официальная статистика не может отражать реальных товарных потоков. Наиболее наглядно это прослеживается на экспортно-импортных потоках макрорегиона.

Работая со статистической информацией, необходимо различать экспорт Сибири и экспорт сибирских товаров. Экспорт сибирских товаров обеспечивает до 60% экспорта страны, в то время как, по статистике, на регионы Сибири и Дальнего Востока его приходится не более 30%. Для сравнения: в 2000 г. на Москву приходилось 30% экспорта России только по продукции топливно-энергетического комплекса⁵. Существующая статистика, таким образом, является достаточно виртуальной и не показывает реальных экспортных по-

токов, большая часть которых начинается за Уралом, где производится продукция, востребованная мировым рынком.

Поэтому для исследования межрегиональных товарных потоков в большей степени приходится опираться на статистику, отслеживаемую администрациями субъектов Федерации. В некоторых регионах существуют даже структурные подразделения в администрации, занимающиеся мониторингом и стимулированием межрегиональных связей: в Новосибирске это комитет по межрегиональным отношениям, в Красноярске — отдел межрегиональных связей. Но даже если органы исполнительной власти в регионах отслеживают информацию о межрегиональных потоках, то далеко не в полном объеме, а лишь по крупным (в смысле количества работающих) предприятиям. Коль скоро товарные потоки малого и среднего бизнеса проходят мимо официальной и неофициальной статистики, то нарисовать точную картину, отображающую межрегиональную торговлю, в полной мере невозможно.

Еще более сложно отслеживать межрегиональные денежные потоки. Чтобы хоть как-то их обозначить, рассмотрим, как проходил процесс создания межрегиональных компаний в Сибири.

Следует констатировать, что межрегиональные компании формировались по двум сценариям: на основе проникновения в восточные регионы московского капитала и путем проникновения наиболее сильных региональных компаний на соседние территории.

Экспансия крупного капитала в регионы Сибири началась уже в ходе приватизации и была направлена в первую очередь на экспортноориентированные территориально-производственные комплексы, продукция которых была востребована и в России, и на мировых рынках. В результате уже в 1997 г. в Сибири возникли межрегиональные вертикально интегрированные компании, большая часть которых представляла нефтяную и газовую промышленность. Все нефтегазовые ИБГ появились именно в 1996–1997 гг.

С 2000 г. в России начался процесс бурных слияний и поглощений, пик которого пришелся на 2001 г. Именно к этому периоду относится окончательное становление двух межрегиональных холдингов в алюминиевой промышленности — «Русский алюминий» (Русал) и Сибирско-Уральская алюминиевая компания (СУАЛ-холдинг). Под контролем этих корпо-

раций находятся и основные объекты энергетической системы Восточной Сибири (Иркутскэнерго и Красноярская ГЭС). Объединив 75% активов отрасли, Русал стал второй компанией в мире по производству алюминия, превратившись в глобальную корпорацию.

В этот же период произошла консолидация активов в черной металлургии (Евразхолдинг) и угольной промышленности (СУЭК «Байкал-уголь» — группа МДМ). Продолжается процесс интеграции в лесопромышленном комплексе, но уже сейчас основные мощности по производству целлюлозно-бумажной продукции в Сибири поделены между двумя межрегиональными компаниями — «Илим Палп Энтерпрайз» и «Континенталь Менеджмент». Укрупняются нефтяные компании.

Интеграция сибирских активов с созданием на их основе общероссийских холдингов по существу завершилась в 2003 г. В каждой из экспортноориентированных отраслей сформировалось по три–пять крупных трансрегиональных компаний (табл. 2).

Таблица 2

Крупнейшие общероссийские холдинги, реальные активы которых сосредоточены в регионах Сибири и Дальнего Востока

Отрасль	Трансрегиональные холдинги
Нефтегазовая промышленность	Газпром, НК «ЛУКОЙЛ», НК «ЮКОС», ОАО «Сургутнефтегаз», Тюменская нефтяная компания (ТНК), НГК «Славнефть», нефтяная компания «Роснефть», НК «Сиданко»
Металлургия	ГМК «Норильский никель», Русал, СУАЛ, Евразхолдинг
Лесной и лесоперерабатывающий комплекс	«Илим Палп Энтерпрайз», компания «Континенталь Менеджмент»

Экспансия московского капитала в восточные регионы не ограничилась экспортноориентированными отраслями экономики Сибири. Другим направлением была региональная экспансия столичных банков. Большинство региональных коммерческих банков постепенно превратилось в филиалы крупных московских и петербургских кредитных организаций. Малые и средние банки в регионах присоединялись к крупным банкам-нерезидентам насильно под угрозой банкротства или добровольно с целью защиты от кризиса. По данным статистики, в Сибирском федеральном округе на февраль 2003 г. действовали 82 кредитные организации и 361 филиал, головные организации которых находились в другом регионе, в большинстве случаев в Москве⁶. Например, в Кемеровской области из 20 иногородних банков 19 московских и только 1 новосибирс-

кий — Сибкадембанк⁷. В филиалы столичных банков перешли основные финансовые потоки межрегиональных вертикально интегрированных холдингов и наиболее крупных региональных компаний.

Начиная с 2002 г. столичный капитал активно проникает и в региональную розничную торговлю. Известные торгово-сбытовые сети мигрируют в сибирские регионы («Эльдорадо», «Пятерочка», «Копейка»). В 2003 г. наметилась такая же тенденция в строительстве. Например, московская корпорация «Социальная инициатива» вкладывает 115 млн дол. в проект застройки микрорайона в Новосибирске.

Консолидация активов шла и на основе образования межрегиональных бизнес-структур, зарегистрированных на территории Сибири. Такая межрегиональная интеграция является следствием двух факторов: во-первых, ограниченной емкости сибирского рынка (так, алтайский холдинг «Алтан» начинает проект строительства завода по производству макарон «Гранмулино» в Саратовской области, а ЗАО «Сибирская хлебная корпорация» приобрела производственные мощности в Уфе) и, во-вторых, конкуренции со стороны российских компаний, активно продвигающихся на региональные рынки за Уралом (примером такого рода интеграции является создание межрегиональной компании «Сибтелеком», объединившей региональные компании «Электросвязь» Кемеровской, Иркутской, Омской, Читинской областей, Красноярского края, республик Бурятия, Хакасии, Алтай, ОАО «Алтайтелеком», ОАО «Томсктелеком»). К сожалению, примеров создания межрегиональных компаний без участия московского капитала совсем немного.

Попробуем разобраться, как отразилась специфическая интеграция на социально-экономическом положении Сибири, способствовала ли она локализации финансовых потоков, являющихся необходимым условием саморазвития макрорегиона. Иными словами, стали ли межрегиональные ИБГ финансовой базой развития Сибири и Дальнего Востока.

Для этого воспользуемся данными исследований, проведенных А.Г. Гранбергом. По его расчетам, при сопоставлении произведенного и использованного валового регионального продукта 17 из 22 регионов Сибири и Дальнего Востока имели положительный торговый баланс и только 5 регионов — отрицательный⁸. В целом же по макрорегиону положи-

тельное сальдо произведенного и использованного ВРП составило 11,1 млрд дол.

Огромное торговое сальдо восточных регионов даже в малой мере не согласуется с объемами финансовых средств, остающихся на территории. Субъекты Федерации сибирского макрорегиона перечисляют в федеральный бюджет на 50 млрд р. больше, чем получают из него. А общая оценка финансовых потоков, которые в разной форме уходят с территории, составила 129,1 млрд р. (5,6 млрд дол.). Основная часть данной суммы представлена прибылью нерезидентов — предприятий, работающих в Сибири и на Дальнем Востоке, но зарегистрированных в других регионах. Как следствие, в восточных регионах наблюдаются низкий уровень социального развития, неразвитая инфраструктура и отток населения.

В.А. Крюков в своей работе «Предложения по гармонизации взаимоотношений между государством и крупным бизнесом в области уменьшения региональной асимметрии» подробно проанализировал некриминальные схемы вывода финансовых потоков из регионального экономического оборота⁹. По его мнению, основными причинами необоснованного перетока финансовых средств в центр и за рубеж являются:

- предоставление участникам ФПГ права уплаты налогов по консолидированному балансу в месте регистрации управляющей компании;
- применение схем внешнего и внутреннего толлинга;
- использование трансфертных цен и внутренних схем финансирования в рамках ИБГ.

Общероссийские холдинги широко применяют все перечисленные способы, поскольку они позволяют многократно уменьшить налоговую нагрузку и сконцентрировать прибыль в управляющей компании.

Использование внутренних схем взаиморасчетов позволяет компаниям так организовать финансовые потоки, что денежные средства минуя расчетные счета предприятий. На счета перечисляются лишь заработная плата и минимум средств на эксплуатационные расходы в соответствии с установленным для филиала или дочерней компании бюджетом. Напрашивается прямая аналогия с социалистической системой финансирования предприятий, но с одним существенным отличием: финансирование из центра включало и средства на под-

держание и развитие социальной сферы территорий дислокации предприятий.

Владея контрольным пакетом акций дочерних предприятий и сосредоточив в центре все внешнеэкономические операции и внутренние торгово-финансовые потоки, головная компания превращается в центр прибыли, а филиалы и дочерние компании — в центры затрат.

Применение внешнего толлинга в большей степени сказывается на федеральном бюджете, хотя региональные бюджеты также теряют огромную часть поступлений.

Как известно, толлинг позволяет официально уклоняться от уплаты налогов и таможенных пошлин. Но поскольку российская алюминиевая промышленность ввозит до 70% сырья (глинозема) и вывозит 90% готовой продукции, потери от толлинга огромны. По данным налоговой службы, на толлинге федеральный бюджет ежегодно теряет до 300 млн дол.

Региональным же бюджетам алюминиевые компании не только не приносят реальных доходов, но и наносят ущерб, так как региональные бюджеты вынуждены возвращать им НДС на экспортируемый металл (табл. 3).

Таблица 3

Доля металлургии в объеме промышленного производства и сумме налоговых поступлений в бюджеты регионов в 2001 г., %

Регион	Доля металлургии	
	в объеме промышленного производства региона	в сумме налоговых поступлений региона
Иркутская область	30,1	-2,9
Республика Хакасия	49,3	-57,5
Красноярский край	74,1	57,9

Источники: Информационный сборник 5 Межрегиональной инспекции Министерства по налогам и сборам по Сибирскому федеральному округу. Новосибирск, 2002; Гузов В.П., Смирнов Н.В. Основы стратегии развития Иркутской области в начале XXI века // Регион: экономика и социология. 2002. 4. С. 171.

Из таблицы видно, что из трех субъектов Федерации, где сосредоточена большая часть мощностей по производству алюминия, в двух (Иркутская область и Хакасия) сумма компенсации НДС на экспорт превысила сумму налоговых поступлений в региональные бюджеты от отрасли. Такая же ситуация наблюдается и в Красноярском крае, но там, кроме алюминиевых заводов, действуют и другие производства, относящиеся к металлургической промышленности, например такой гигант, как ГК «Норильский никель», налоговые поступления от которого покрывают убытки от алюминиевых заводов.

Но если внешний толлинг в алюминиевой промышленности затрагивает лишь три сибирских региона, то система внутреннего толлинга, широко применяемая общероссийскими ИБГ, ощутимо снижает финансовые поступления в бюджеты всех регионов Сибири и Дальнего Востока.

По своей сути внутренний толлинг означает покупку сырья на самых ранних стадиях технологического передела и его последующую передачу по стадиям производства на давальческой основе. Схемы внутреннего толлинга сочетаются с применением трансфертных цен и занижением цен на продукцию начальных стадий производства (добычу и первичную переработку).

Одной из первых компаний, воспользовавшихся данной схемой «оптимизации» налогов, стало ОАО «Сибнефть», которое в 1996 г. перевело на внутренний толлинг ОАО «Омский НПЗ», в результате чего бюджет Омской области потерял более 20% своих доходов.

К 1998 г. практически все нефтегазовые компании, уменьшая внутреннюю цену на добываемые ресурсы, сумели сократить региональные налоги на 20–40%. Так, головная компания ЮКОС, покупая у дочерних добывающих компаний не товарную нефть, а скважинную жидкость (нефть с содержанием воды и других примесей) и передавая ее по технологической цепочке на давальческой основе, снизила региональную базу налогообложения на 45%¹⁰.

Практика применения трансфертных цен все более расширяется. Яркий пример — компания «ЛУКОЙл — Западная Сибирь», крупнейшее добывающее подразделение НК «ЛУКОЙл», у которой выручка в 2002 г. сократилась на 370 млрд р.¹¹ Причина резкого снижения выручки объясняется не уменьшением объемов добычи, а применением системы внутреннего бухгалтерского учета по холдингу на основе трансфертных цен.

Вывод денежных потоков в центр и за пределы России не сопровождается адекватным встречным потоком инвестиций в азиатские регионы. Для доказательства этого проанализируем региональную структуру общероссийских инвестиций. Доля регионов Сибири и Дальнего Востока в общероссийских инвестициях снизилась примерно в 2 раза. Если в 1990 г. доля регионов Сибирского федерального округа составляла 14,8%, то в 2000 г. — только 8,0%, а Дальневосточного — соответ-

ственно 7,8 и 4,3% (рассчитано по статистическому сборнику «Регионы России»).

В то же время доля инвестиций в развитие Тюменской области повысилась за десять лет (1990–2000 гг.) с 10,4 до 18,2%. И это вполне объяснимо, ведь для того, чтобы наращивать объемы экспортных поставок энергоносителей, необходимы капитальные вложения хотя бы для поддержания производственной и транспортной инфраструктуры. Да и возможности финансирования у сырьевых компаний, сосредоточивших свой бизнес в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, несравнимы с возможностями компаний из других сфер бизнеса.

Согласно инвестиционному рейтингу регионов России, определяемому рейтинговым агентством «Эксперт-РА», большинство регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов занимает последние места по степени инвестиционных рисков, обладая при этом более высоким инвестиционным потенциалом по сравнению со среднероссийским уровнем.

Финансовые потоки, связанные с межрегиональной сибирской торговлей, не так значительны и не покидают территорию макрорегиона. В этом отношении реальным интегрирующим фактором выступает деятельность региональных филиалов Сбербанка, через внутренние счета которых проходит большая часть межрегиональных расчетов.

Вектор миграционных потоков в сибирском макрорегионе в 1990-е гг. изменил свою направленность с восточной на западную. Территория, которая в течение нескольких столетий целенаправленно осваивалась и заселялась, стала стремительно терять свое население. Естественный прирост уже не компенсировал огромный отток населения, в результате чего процессы депопуляции приняли угрожающий характер.

По статистике, за период с 1990 по 2000 г. из 25 регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов в 22 из них численность населения уменьшилась. Особенно большой отток наблюдался на Дальнем Востоке (табл. 4).

Всего с 1990 по 2002 г. с территории Дальневосточного федерального округа выехало 979 тыс. чел., или 12,2% населения.

С 1989 по 2002 г., по данным Новосибирского областного комитета государственной статистики, количество жителей Сибирского федерального округа уменьшилось с 21 068 тыс. до 20 064 тыс. чел.¹², т.е. депопуляция

населения в регионе за этот период составила более 1 млн чел.

Таблица 4

Динамика численности населения регионов Дальнего Востока, тыс. чел.

Регион	Численность населения		Сокращение численности населения, %
	1990	2000	
Республика Саха	1 112	989	-1,0
Приморский край	2 279	2 172	-4,7
Хабаровский край	1 611	1 506	-6,5
Амурская область	1 059	998	-5,7
Камчатская область	475	389	-18,1
Магаданская область	390	239	-38,7
Сахалинская область	713	599	-16,0
Еврейская АО	216	197	-8,8
Чукотский АО	162	79	-51,2

Источник: Российский статистический ежегодник, 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002.

Выезжает наиболее активное население. Многие населенные пункты фактически перестают существовать. Традиционные районы оттока населения — Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Уральский, непрерывно отдававшие население, впервые стали получать его за счет миграции из азиатской части России. Этому во многом способствовала политика федеральной власти, отменившей финансирование выплаты районных коэффициентов и северных надбавок из бюджета, в результате чего не только реальные, но и номинальные доходы жителей восточных регионов оказались ниже доходов жителей средней части России.

Массовая миграция северян в более благополучные районы России до минимума опустошила ставки на продажу благоустроенного жилья. Однокомнатную квартиру в Магадане можно купить за 1 тыс. дол. Для сравнения: в такую же сумму обходится отправка контейнера с вещами. Сдерживающим фактором обвальная миграция с севера и востока страны является отсутствие у населения необходимых средств на отъезд и обустройство на новом месте.

В рамках сибирского макрорегиона происходит процесс перемещения экономической активности, а следовательно, и населения в наиболее благоприятные зоны, в которых концентрируется предпринимательство, развиваются производство, транспортная, торговая, финансовая и социальная инфраструктура. Центрами притяжения выступают крупные города, расположенные вдоль Транссиба, такие как Новосибирск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск, Владивосток.

Центром притяжения не только капитала, но и населения стали также северные районы

Западной Сибири. За счет межрегиональной миграции численность населения Тюменской области (вместе с автономными округами) все это время продолжала увеличиваться. Так, коэффициент миграционного роста в Ханты-Мансийском автономном округе в 2001 г. составил 103 чел. на 10 тыс. жителей, в то время как по Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам он был отрицательным (–17 и –64 соответственно)¹³.

Таким образом, сжатие экономического пространства макрорегиона идет, во-первых, за счет миграции населения в Европейскую Россию и зарубежные страны и, во-вторых, за счет концентрации коренного населения в узкой полосе Транссибирской магистрали и зоне добычи нефти и газа в Западной Сибири.

И без того менее заселенная часть страны из-за миграционного оттока квалифицированных кадров теряет свой экономический потенциал, а тем самым — и основной ресурс будущего развития. По некоторым прогнозам, в результате продолжающегося процесса миграционного оттока через 15 лет большая часть северных территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока станет полностью безлюдной.

Если в отношении западной части России регионы за Уралом являются территорией эмиграции, то в отношении стран СНГ и Китая Сибирь и Дальний Восток стали территорией иммиграции. Количество граждан, въезжающих из стран СНГ и стран дальнего зарубежья, значительно превышает число эмигрирующих за рубеж. Так, по информации миграционной службы, численность иностранных граждан, привлекаемых на работу в Иркутскую область, в 2000 г. составляла 3903 чел. Из них 65,7% были гражданами стран, входивших в состав СССР (Украины, Туркмении, Молдовы, Армении), а 34,3% — выходцами из стран дальнего зарубежья, главным образом из Китая.

Китайская рабочая сила стала привлекательной для многих местных предпринимателей, особенно в строительстве и аграрно-промышленном комплексе. По трудолюбию и производительности труда китайские рабочие (в названных отраслях производства) вне конкуренции, да и соотношение цена–качество тоже в их пользу.

В Омской области большинство иностранных рабочих — мигранты из Китая. «Наблюдая их трудолюбие, местные крестьяне впадают в состояние апатии. Пример китайцев не стимулирует, а дезорганизует своей иррациональностью (не пьют, не курят, не праздну-

ют, мало спят, работают без выходных). Жителям омских деревень трудно понять, почему земля, приносящая их хозяйствам убытки, для китайцев становится золотой. Десять лет назад начав выращивать под Омском огурцы, помидоры, капусту, китайские предприниматели сегодня полностью вытеснили с рынка ранние овощи из Средней Азии»¹⁴.

Сужение экономического пространства и «обезлюживание» Сибири и Дальнего Востока сопровождается ростом численности населения в Китае (ожидается, что к 2025 г. оно увеличится на 300 млн чел.). Уже сейчас численность китайских безработных сопоставима с количеством граждан России — свыше 140 млн чел. Поэтому южные территории, от китайской границы и до «индустриального пояса» Сибири, будут неизбежно привлекать миллионы китайских безработных и предпринимателей.

При этом, на наш взгляд, участвовавшие заявления в прессе о «желтой угрозе» чаще всего безосновательны. В США такой проблемы не существует, хотя китайская диаспора насчитывает 13 млн чел., что значительно больше общего числа легально и нелегально проживающих в России китайцев, а транснациональные китайские деловые сети работают во благо экономик двух стран.

В условиях массового оттока русского населения из Восточной Сибири и с Дальнего Востока использование демографического ресурса Китая становится способом сохранения экономического пространства в приграничных регионах. С таким утверждением согласны губернаторы субъектов Федерации, в которых в наибольшей степени наблюдается китайское присутствие. В этой связи можно привести заявление Р. Гениатулина, губернатора Читинской области: «Жупел "желтой угрозы" должен исчезнуть со страниц прессы и с экранов телевидения. Для простых людей, живущих на порубежье, понятна как горбушка хлеба веками отшлифованная истина — хороший сосед ближе дальнего родственника, и уважает такой сосед только сильного и надежного партнера»¹⁵.

Другое дело, что необходимо регулировать миграцию, легализовать экономическую деятельность иностранцев по принципу «работает в России — плати российские налоги и соблюдай ее законы». Но кроме жесткого контроля, необходимы и позитивные меры, такие как предоставление права на аренду и приобретение земли и недвижимости, самостоятельного трудоустройства, ведения совместного

бизнеса. Только в этом случае использование демографического ресурса Китая будет работать на интересы России, Китая, а также на интересы регионов Сибири и Дальнего Востока.

Рассмотрев направления и интенсивность межрегиональных экономических потоков, перейдем к анализу существующих межрегиональных кластеров в азиатской части России. Так как исследуемый период по своей продолжительности занимает всего лишь одно десятилетие, то вполне очевидно, что существующие кластеры будут представлять собой либо трансформированные кластеры предыдущей эпохи, либо только нарождающиеся отраслевые кластеры, возникающие не на основе диверсификации, а естественным путем.

К первым относятся нефтегазовый, алюминиевый и лесопромышленный кластеры, которые, как и прежде, составляют основу экономики Сибири. Уже сейчас можно говорить о том, что внутри этих кластеров идет процесс их достройки. Так, например, большая часть оборудования, которое использовалось в сибирском нефтегазовом комплексе, закупалась за рубежом. После финансового кризиса 1998 г. несколько машиностроительных заводов Западной Сибири получили заказы на производство и сервисное обслуживание оборудования для нефтегазовых компаний. Реализуются инфраструктурные проекты, достраивающие этот кластер.

Ко второй группе, на наш взгляд, можно отнести сибирский межрегиональный кластер в авиастроении. На территории Сибирского и Дальневосточного округов произошла концентрация наукоемких аэрокосмических производств. Ядром кластера стала корпорация «Иркут», головным предприятием которого является Иркутское авиационно-производственное объединение. Кроме того, кластер объединяет такие предприятия, как Улан-Удэнский авиационный завод, Новосибирское авиационное производственное объединение, НПО ПМ им. Решетнева, омский «Полет», крупнейший центр авиационной науки СибНИА, большое количество предприятий, обеспечивающих поставку сырья и комплектующих на сборочные производства. Технологические цепочки объединили сотни заводов по всей Сибири. В результате более половины общего объема производства авиационной промышленности России и около четверти всего объема продаж приходится на этот межрегиональный кластер¹⁶. Продукция

кластера конкурентоспособна и востребована на внешнем рынке.

Другим кластером, менее масштабным и пока еще не имеющим выхода на внешние рынки, является сельскохозяйственный кластер на юге Сибири. По своей сути это возрождающийся капиталистический кластер, разрушенный в годы социалистического строительства. В процессе слияний и поглощений в отрасли возникли крупные региональные и межрегиональные компании, которые активно создают торгово-информационную инфраструктуру. В 2003 г. Сибирская межбанковская валютная биржа открыла сразу три площадки по торговле зерном: в Омске, Красноярске и Барнауле. Возникли ассоциации и стратегические союзы, защищающие экономические интересы сибирских товаропроизводителей.

Что касается межрегиональных экономических площадок (систем), то в условиях, когда финансовые потоки практически полностью выведены с территории Сибири, трудно говорить о их существовании. По-видимому, только территория, входившая в Западно-Сибирский ТПК, в определенной степени сохраняет черты пространственной экономической системы. Подтверждением является то, что данная территория оказалась в состоянии аккумулировать хотя бы часть финансовых потоков. Этому способствуют рентные платежи, остающиеся в бюджете субъектов Федерации, инвестиции в производство и социальную сферу со стороны общероссийских нефтегазовых холдингов, высокая заработная плата в нефтегазовом комплексе, развитая инфраструктура, а также реализация крупных межрегиональных проектов.

Наш анализ межрегиональной интеграции в постсоветской Сибири был бы неполным, если бы мы не остановились на ее основных барьерах. Помимо барьеров, существовавших и ранее, таких как территориальная удаленность от основных рынков сбыта, ограниченный местный спрос на продукцию региональной специализации, неразвитость практически всех видов инфраструктуры, появился специфический административный барьер. В первые годы реформ и после финансового кризиса 1998 г. административные барьеры проявились в виде губернаторских запретов на вывоз продовольствия за пределы своих регионов.

Но, что более важно, региональные власти часто активно выступают против вхождения своих предприятий в межрегиональные интегрированные структуры. Причина проста — от

ПРИМЕЧАНИЯ

такой интеграции региональные бюджеты теряют существенную часть своих налогов. Практически в каждом регионе есть драматичные примеры борьбы губернаторов и мэров против интеграционных проектов компаний.

Итак, можно констатировать, что период полной экономической дезинтеграции, пик которой пришелся на начало 1990-х гг., в Сибири завершился. Следующий этап эволюционного цикла процесса интеграции будет характеризоваться усилением специализации регионов и расширением их экономических связей. Усилению наметившейся тенденции мешают противоречия между интересами бизнеса, федерального центра и регионов в реализации интеграционных проектов на территории Сибири и Дальнего Востока. Необходимо государственное регулирование межрегиональной экономической интеграции, прежде всего с позиций налогового законодательства и межбюджетных отношений.

¹ Торговля в Сибири: интеграция без роста // Континент Сибирь. 2002. 4 дек.

² Глушко Е., Дробышева И. Регионы на распутье: идти гурьбой или в одиночку? // Дальневосточный Капитал. 2002. 3.

³ Торговля в Сибири: интеграция без роста.

⁴ Там же.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели, 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002.

⁶ Вестник БР. 2003. 11.

⁷ Клиенты в последнее время стали очень избирательными // Континент Сибирь. 2003. 31 окт.

⁸ Гранберг А.Г. Сибирь и Дальний Восток: общие проблемы и свойства экономического роста // Регион: экономика и социология. 2003. 1. С. 14–29.

⁹ Крюков В.А. Предложения по гармонизации взаимоотношений между государством и крупным бизнесом в области уменьшения региональной асимметрии. <http://ieie.nsc.ru/~krukov.htm>

¹⁰ Там же.

¹¹ 200 крупнейших предприятий Большого Урала // Эксперт-Урал. 2003. 32.

¹² Перепись проблем // Эксперт-Сибирь. 2003. 4.

¹³ Российский статистический ежегодник, 2002.

¹⁴ Рядом с большим соседом // Эксперт-Сибирь. 2003. 8.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Сибирь — территория ответственности // Комсомольская правда. 2003. 21 нояб.

Б.Г. САНИЕЕВ

зам. директора Сибирского института систем энергетики им. Мелентьева, доктор технических наук

С.Б. САНИЕЕВ

магистрант

А.Ф. ШУПЛЕЦОВ

зав. кафедрой экономики предприятия и предпринимательской деятельности, доктор экономических наук, профессор

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И КОМПЛЕКС МЕРОПРИЯТИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Топливо-энергетический комплекс в экономике области. В Иркутской области создана крупная топливо-энергетическая база страны. Здесь добывается около 5% угля, производится более 6% электроэнергии, перерабатывается 4,5% сырой нефти (табл. 1).

По удельным показателям производства и потребления топливо-энергетических ресурсов Иркутская область в несколько раз превосходит аналогичные показатели по Российской Федерации (табл. 2).

Значительна роль области в обеспечении топливо-энергетической продукцией других районов. В 2002 г. за пределы региона было

поставлено 7,3 млрд кВт·ч электроэнергии, 0,6 млн т угля, 4,7 млн т нефтепродуктов.

Переход к новым условиям хозяйствования, как известно, привел к резкому сокращению инвестиций в предприятия топливо-энергетического комплекса, породил ряд проблем в материально-техническом снабжении, социальной сфере энергетического сектора экономики.

По сравнению с 1990 г. объем нефтепереработки в области сократился в 2,7 раза, добычи угля — в 2 раза, объем производства электроэнергии уменьшился на 14,3%. Произошло существенное сокращение и энерго-